

Фокин В.

3/III-87

ТЕАТР И РЕФОРМА

Эксперимент — это всегда новизна

Сегодня, едва войдя в эксперимент, рано говорить о каких-то результатах. Но уже можно и необходимо поделиться спасениями, которые вызваны первыми шагами на пути его практического осуществления. Я имею в виду обнаружившуюся психологическую неподготовленность к новой театральной ситуации.

Мы долго ждали эксперимента, справедливо связывая с ним надежды на возрождение Театра, о высоком назначении которого порядком позабыли, Театра, способного воспитывать душу, формировать общественное мнение. «Время требует перемен и на сцене драматической...» Знаменитые пушкинские слова безоговорочно воспринимались как лозунг дня...

В преддверии эксперимента Министерство культуры СССР проводило встречи, консультации с руководителями театров, представителями органов культуры. Центральные газеты щедро предоставляли место на своих страницах ведущим мастерам театрального искусства, размышляющим о предстоящей реформе. Но, очевидно, даже самых правильных слов мало. Сколько ни говори «перестройка», новое мышление от этого не возникнет. Работникам органов культуры, например, трудно представить себе, как это они отдадут театрам их законные права, когда с них самих, мол, никто ответственности не снимал.

Сегодня очень типичен такой примерно диалог между органами культуры и театром:

— Мы бы хотели получить ваши репертуарные планы и все плановые показатели.

— Но согласно положению эксперимента мы представляем вам только три показателя.

— А как же мы будем знать, что у вас в театре происходит, ведь мы за вас отвечаем...

Но не надо забывать, что органы культуры сами когда-то присвоили себе ответственность за театр, создав абсурдную ситуацию, ибо за продукцию творческого учреждения, каким является театр, не может нести ответственности никто, кроме самого театра. Как испокон веков художник — и только он — отвечает за свои картины, как писатель — за написанные им книги. Из-за этого десятилетиями складывавшегося психологического настроения кто-то сознательно или бессознательно боится расстаться с ощущением власти.

В недавно созданный Союз театральных деятелей РСФСР приходит немало жалоб на то, что органы культуры на местах, нарушая постановление об эксперименте, требуют от театров репертуарные планы и списки постановочных групп, требуют повышения цен на билеты без учета возможности театров.

Здесь надо сказать и о некомпетентности некоторых людей, призванных руководить культурой. Эта некомпетентность, выражающаяся в полном незнании, непонимании специфики театрального производства, была и прежде, мы сталкивались с ней так часто, что — стыдно сказать — уже привыкли. Сегодня молчать об этом нельзя, некомпетентность воспринимается особенно остро, ибо явно мешает делу.

Органы культуры подчас не понимают условий эксперимента, не чувствуют нынешнюю театральную ситуацию, не до конца разобрались в документах театральной реформы, тоже во многом экспериментальной (здесь еще не все ясно, что-то будет, очевидно, корректироваться). Но желание разобраться в них тормозит перестройку.

Кстати, столь болезненный вопрос о взаимоотношениях театра и драматурга до конца не выяснен. Имеет все-таки сам театр право заключать договор с авторами? Кто же теперь решает, платить деньги драматургу или нет? Кто посредник? И уж если без посредника обойтись никак нельзя, то, может быть, им станет комиссия по драматургии Союза, которая взяла бы на себя ответственность перед министерством?

И еще: за последние 15—20 лет появилось огромное количество документов, возможных решений, положений, которых никто на сегодняшний день не отменил. Положение об эксперименте их тоже не отменяет. И за эти старые документы прячется бюрократ, когда не хочет отдавать власть или не понимает процессов, происходящих сегодня в театре, и их целей.

К сожалению, многие театральные руководители также не понимают задач эксперимента. Есть, например, такие театры, которые продолжают добиваться включения в эксперимент, будучи абсолютно неподготовленными. И так же как некоторые представители органов культуры боятся потерять контроль над театральной процессом, так некоторые работники театра боятся взять на себя ответственность.

Говорили о самостоятельности, сетовали на опеку, не позволяющую «развернуться». Мол, директор не имеет финансовой свободы из-за низкой заполняемости зала. А низкая заполняемость зала — из-за скучного репертуара, в чем «позин-

ны», мол, органы культуры. Нет лидера в театре — опять же виноваты те, кто «душит» молодую режиссуру... Когда же сегодня получили самостоятельность, оказалось, что для многих прежнее положение дел было удобнее — отвечая какой-то «чужой дядя». Такие театры настолько привыкли согласовывать каждый шаг, что жутко боятся остаться «неприкрытыми», сами за все отвечая.

Когда на XXVII съезде партии Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев сказал, что перестройка — это борьба, я принял это несколько абстрактно. И вот теперь, вступив в эксперимент, ощущаю это ежеминутно. Стало ясно, что перестройка — это действительно борьба... прежде всего с самим собой. Что перестройка в театре неделима от общей демократизации в стране, от ежедневного освобождения своего мышления от догм — иначе реформа захлебнется, обернется более или менее добросовестным исполнением очередной инструкции. Ведь так, к сожалению, устроена человеческая психология, что, быстро подхватывая новые слова, мы привыкаем к ним. Так привычно говорим сегодня «перестройка», «демократия», «эксперимент», не слишком задумываясь в смысл произносимого. Как бы нам не забыть, что слово «эксперимент» уже само по себе предполагает риск, новизну.

Обретать новое мышление — и работникам театров, и представителям органов культуры (мы очень надеемся на это) — поможет наш новый Союз, и в частности комиссия по совершенствованию управления театральным делом.

Союз взял на себя одну из главных задач — соблюдение условий эксперимента. Более того, без Союза вряд ли сама реформа может успешно состояться, поскольку она предполагает активное участие творческой общественности, то есть истинное самоуправление и демократию — непрерывное условие любой перестройки.

Союз должен помочь театрам и органам культуры выйти «на одну дорожку», чтобы у них была общая цель и общая ответственность за хороший театр. Союз подготовил проект документа, который предлагает 4 варианта проведения эксперимента, чтобы коллективы могли бы избрать наиболее удобный для себя вариант, учитывая внутреннюю ситуацию, репертуар, состав труппы, популярность у зрителя и т. д.

Наши предложения предполагают более гибкие возможности в системе самоуправления, планирования, финансирования и оплаты труда. Кроме этого, более гибкую систему договорных отношений. Так, например, в одном из разработанных вариантов театру предоставляется право заключить договор с группой творческих работников: артистами и режиссерами своего и других театров, выпускниками театральных вузов, создавших собственными силами спектакль высокого идейно-художественного уровня для его проката под эгидой театра.

Кстати говоря, фестиваль «Театр-студия-87», организованный по инициативе Театра им. М. Н. Ермоловой и проводимый на его сцене, уже показывает реальное использование этой возможности. Мы постарались все учесть в проекте, теперь хотим широко обсудить его на местах с театральными практиками.

Пора демократизировать процессы в области управления театрами, пора кончать с практикой решения насущных вопросов в тиши кабинетов. Театральную реформу должны делать люди театра. Именно поэтому Союз театральных деятелей РСФСР разослал свои предложения во все управления культуры, всем театрам Российской Федерации, участвующим в эксперименте, всем местным организациям Союза и заинтересованным ведомствам. И в конце марта предполагается провести совещание с подведением итогов этого обсуждения.

Однако уже сейчас вызывает удивление позиция, которую заняло наше центральное ведомство. Министерство культуры СССР направило в адрес Союза театральных деятелей РСФСР письмо, подписанное заместителем министра. В нем нет ни одного слова о необходимости развития театрального эксперимента, о его многовариантности. Зато в каждой строчке этого формального ответа ощущается острое нежелание «услышать» своего делового партнера.

Кроме того, просто поражает, что Министерство культуры СССР уже заранее все ясно без всяких там экспериментов. Будто истина обрела наконец свой последний адрес на Арбате, 35.

Это письмо — рецидив уходящего мышления, мы надеемся, что это только рецидив и что на мартовское совещание наше центральное ведомство придет с конструктивной позицией.

Валерий ФОКИН,
секретарь правления Союза театральных деятелей РСФСР, заслуженный артист РСФСР, главный режиссер Московского театра им. М. Н. Ермоловой.

РЕДАКЦИЯ